

Роль чувства тревоги въ психологіи массъ, какъ начала, нивелирующаго индивидуальности.

Если психологія индивидуальная—психологіи личности является до настоящаго времени недостаточно изученной областью, а въ примѣненіи къ военному дѣлу —къ психическимъ явленіемъ во время сраженій—почти незатронутой, то области изученія психическихъ явленій людей, находящихся въ массѣ, психологія почти не коснулась, а въ особенности изученія массовой психологіи во время сраженій.

Среди ученыхъ до сихъ поръ идетъ споръ о томъ, психологія массъ есть ли наука, совершенно обособленная отъ психологіи индивидуальной, или же она находится въ тѣснѣйшей связи съ послѣдней, являясь лишь ея дополненіемъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считая массовую психологію наукой совершенно отдѣльной, признаютъ предметомъ изслѣдованія ея *душу толпы*, какъ изслѣдованія какой то особой души, отличающейся по своимъ качествамъ отъ души въ психологіи индивидуальной.

Касааясь въ настоящей статьѣ вопроса объ отношеніи психологіи массъ къ психологіи индивидуальной, я долженъ заявить, что при-

держиваюсь взгляда, что психологіи массъ или психологіи толпы, какъ науки совершенно обособленной отъ психологіи индивидуальной, не существуетъ.

Психологія массъ имѣетъ тѣснѣйшую связь съ психологіей индивидуальной и научныя изслѣдованія въ психологіи массъ должны базироваться на научныхъ данныхъ психологіи индивидуальной. Безъ этой связи всѣ изслѣдованія психологіи массъ будутъ имѣть видъ оторванности и, слѣдовательно, не будутъ имѣть прочнаго фундамента, который массовой психологіи дастъ лишь психологія индивидуальная.

Вѣдь всѣ наши психическія переживанія, всякое претерпѣваніе и дѣятельность массъ (толпы) оказываются при внимательномъ разсмотрѣніи переживаніями, претерпѣваніями и дѣятельностью *единичныхъ* индивидуумовъ, образующихъ въ общей совокупности «психологическую» толпу. Всѣ измѣненія, какія происходятъ будто бы въ психологіи толпы, въ дѣйствительности происходятъ въ одиночныхъ индивидуумахъ.

Изслѣдованіе качествъ и законмѣрности психологіи толпы должно, слѣдовательно, превратиться въ изслѣдованіе качествъ и законмѣрности психической жизни *личностей*, въ примѣненіи къ военной массовой психологіи—личностей *воиновъ*.

Это изученіе по необходимости должно быть изученіемъ индивидуальной психологіи, такъ какъ мы ничего не можемъ знать о какой либо другой обособленной психической жизни въ толпѣ, «о *душѣ толпы*» помимо психической жизни въ единичныхъ индивидуумахъ. А въ этомъ смыслѣ изслѣдованіе качествъ и свойствъ «психологіи массъ» и процессовъ въ ней должно направляться на изслѣдованіе психическихъ свойствъ и качествъ отдѣльныхъ индивидуумовъ; только въ нихъ и можно найти то, что мы хотѣли бы изучить въ «психологіи толпы».

Конечно, для этой цѣли нужно сравнивать психическія свойства не одного, а многихъ индивидуумовъ, чтобы можно было отдѣлить общее—массовое отъ частнаго—индивидуальнаго.

Но, если бы кто въ намѣченномъ изслѣдованіи *общаго* усматривалъ собственную задачу психологіи толпы, и на этомъ основаніи сталъ бы обосновывать самостоятельность массовой психологіи, то этотъ признакъ не былъ бы существеннымъ, ибо *множество* изслѣдуемыхъ личностей не можетъ служить отличіемъ психологіи, массовой отъ психологіи индивидуальной; игнорированіе индивидуальнаго въ извѣстной степени имѣетъ мѣсто и въ индивидуальной психологіи.

И такъ какъ для опыта и изученія не имѣется какой то *особой* души толпы, а имѣются лишь индивидуумы, измѣняющіе свои душевныя свойства въ толпѣ, то, такимъ образомъ, психологія толпы не представляетъ собой самостоятельную, совершенно обособленную науку, а лишь часть индивидуальной психологіи въ томъ отдѣлѣ, гдѣ изучаются свойства и качества личностей въ массахъ, въ толпѣ.

Отсюда также, если мы говоримъ о военной психологіи, какъ наукѣ, изучающей душевныя свойства бойцовъ во время боевой дѣятельности, то понимаемъ ее, какъ военную индивидуальную психологію, а психологію военныхъ массъ — лишь какъ часть индивидуальной военной психологіи въ томъ ея отдѣлѣ, гдѣ изучаются свойства и качества воиновъ въ массахъ. Психологія военныхъ массъ является, такимъ образомъ, не самостоятельной наукой, а лишь дополненіемъ къ болѣе обстоятельному изученію индивидуальной психологіи бойца.

Вопросъ — почему индивидуумъ, будучи самостоятельнымъ самъ въ себѣ, начинаетъ въ толпѣ реагировать какъ всѣ другіе? Почему совершенно разнаго психического склада люди въ толпѣ дѣйствуютъ однородно? Психологія массъ не даетъ отвѣта. А такъ какъ однородность дѣйствія въ толпѣ индивидуумовъ разнаго характера — наблюдаемый всѣми фактъ, то спрашивается, въ силу какихъ психическихъ свойствъ индивидуумовъ наступаетъ въ толпѣ явленіе, когда мысли, чувства и дѣйствія всѣхъ людей бываютъ однородны и спаиваютъ разнородную массу — толпу людей въ толпу «психологическую», т.-е. однородно настроенную въ умственныхъ стремленіяхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ?

Чѣмъ отличается толпа людей, механически соединенныхъ, отъ толпы людей, соединенныхъ «психологически»? Отличается отсутствіемъ общихъ интересовъ, отсутствіемъ въ силу этого общихъ поступковъ и дѣйствій. Но разъ только у группы людей начинаютъ проявляться общіе интересы съ общей душевной отзывчивостью, появляются общіе для всѣхъ поступки и дѣйствія. Эта группа людей объединяется «психологически» и начинаетъ жить по явленіямъ психологіи массъ.

Что же случилось такое, что нивелировало индивидуальность каждаго изъ субъектовъ въ толпѣ и объединило ихъ и заставило дѣйствовать сообща? Какой психическій процессъ произошелъ у каждаго субъекта, какъ отдѣльнаго индивидуума, который измѣнилъ эту личность и изъ самостоятельной превратилъ ее въ часть общей — «массовой»?

Психологія массъ и на этотъ вопросъ по настоящее время не даетъ отвѣта.

А. Резановъ ¹⁾, касаясь вопроса, что такое «психологическая» толпа, опредѣляетъ ее такъ: Психологической толпой необходимо назвать собраніе неопредѣленнаго количества лицъ, находящихся подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же возбудителей, вслѣдствіе чего такое собраніе характеризуется упадкомъ волевой дѣятельности индивидовъ и развитіемъ бессознательнаго подражанія, при повышенномъ состояніи внушаемости.

Опредѣленіе А. Резанова нужно считать лучшимъ изъ имѣющихся въ литературѣ, но и оно съ одной стороны страдаетъ неполнотой, а съ другой стороны не отмѣчаетъ психологическаго процесса, въ силу котораго психика индивидуумовъ спаивается въ психику массъ. Страдаетъ неполнотой, ибо, говоря о вліяніи на «находящихся подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же возбудителей», не выясняетъ какихъ же это возбудителей.

Напримѣръ толпу, любующуюся заходомъ солнца на взморьѣ или гуляющую въ праздникъ по набережной, или даже на базарѣ за закупками, нельзя еще назвать «психологической» толпой, хотя всѣ находятся подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же возбудителей. Возьмемъ парламентъ; посмотримъ дѣятельность въ немъ и увидимъ, что хотя всѣ депутаты находятся подъ воздѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же возбудителей, но однородныхъ мыслей, чувствованій и дѣйствій въ парламентахъ также нѣтъ, слѣдовательно и здѣсь «психологической толпы» нѣтъ.

Для превращенія людей въ «психологическую толпу» нужны возбудители болѣе сильные, возбудители такіе, которые захватили бы внутреннее «я» субъекта и въ силу которыхъ внутреннее «я», захваченное вліяніемъ возбудителей, реагировало бы у всѣхъ, находящихся въ толпѣ, одинаково въ психологическомъ отношеніи.

Возьмемъ публику въ театрѣ. Хотя всѣ присутствующіе въ театрѣ находятся подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же возбудителей—игры актеровъ и внѣшнихъ вліяній, но спаянной «психологической» толпы все же нѣтъ, исключая быть можетъ лишь моменты захватывающей игры актеровъ. Но та же публика при крикѣ «пожаръ» почти сразу настраивается однородно и легко превращается въ «психологическую» толпу, съ легкимъ переходомъ въ панику.

А почему? Потому что въ послѣднемъ случаѣ затронуто у

¹⁾ А. С. Резановъ. Армія и толпа. 1910 г.

всѣхъ однородное внутреннее «я»—жизнь или смерть. При однородномъ захватывающемъ каждомъ человѣка внутреннемъ интересѣ естественно получаютъ однородныя мысли, настроенія и дѣйствія, т.-е. толпа объединяется «психологически».

При объединеніи въ «психологическую» толпу необходимо наличие внутренняго захватывающаго интереса. И чѣмъ болѣе этотъ интересъ захватываетъ людей, тѣмъ тѣснѣе и шире онъ объединитъ людей въ «психологическую» толпу.

Всматриваясь ближе въ личностей, находящихся въ толпѣ, могущихъ объединяться въ «психологическую» толпу, мы должны отмѣтить, что не всѣ люди способны къ «объединенію» въ психологическую толпу: есть люди неспособные къ этому объединенію и эти люди, какъ правило, душевно-больные; они неспособны, въ силу разстройства психики, реагировать такъ, какъ реагируютъ всѣ здоровые, т.-е. реагировать нормально. Для объединенія въ «психологическую» толпу необходимо наличие общаго интереса и общаго чувствованія, а люди больные душевно этого то «общаго» интереса и «общаго» чувствованія не имѣютъ.

Отмѣчая необходимость для объединенія людей въ «психологическую» толпу «общаго» внутренняго интереса, мы отмѣчаемъ также необходимость «общаго чувствованія».

Но, какъ можетъ случиться, что люди, находясь въ различныхъ, иногда въ крайне противоположныхъ настроеніяхъ, начинаютъ чувствовать одинаково, т.-е. сообща, и одновременно поддаваться страху, возбуждаться общимъ гнѣвомъ, пылать негодованіемъ, одновременно радоваться, одновременно грустить и печалиться и т. п.? Какимъ образомъ можетъ случиться, что люди различной выдержанности въ настроеніяхъ начинаютъ одинаково быть настроенными со всѣми находящимися въ толпѣ? Какой психическій процессъ совершается у каждого въ толпѣ, въ силу коего личности теряютъ свои особенности и психика индивидуумовъ спаивается въ психику массъ?

Безъ наличія какого то объединяющаго психического процесса (помимо общаго умственнаго интереса)—спаиванія или объединенія индивидуумовъ въ «психологическія» массы не происходило бы; необходимо наличие объединяющаго настроенія или чувства.

Чувствомъ, объединяющимъ индивидуумы разныхъ настроеній и характеровъ, чувствомъ, стирающимъ особенности личностей и превращающимъ человѣка какъ бы въ одинъ для всѣхъ людей шаблонъ, является, по нашему мнѣнію, *чувство тревоги*.

Безъ наличія чувства тревоги люди не могли бы потерять свои, присущія каждому человѣку, особенности и не могли бы, въ силу наличія индивидуальных особенностей, слиться въ однородную «психологическую» массу. Чувство тревоги, захватывая человѣка, стираетъ его индивидуальные особенности и превращаетъ самаго закоренѣлаго индивидуалиста въ человѣка съ общими для всѣхъ людей особенностями.

Чувство тревоги, описанное мною въ работахъ: «Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя» ²⁾, «О выдѣленіи чувства тревоги въ самостоятельное чувство» ³⁾, «О чувствѣ тревоги, какъ доминирующей эмоціи въ періодъ ожиданія боя» ⁴⁾, и въ статьѣ: «Эмоціи страха, печали, радости и гнѣва въ періодъ ожиданія боя» ⁵⁾, имѣетъ опредѣленный психо-физиологическій комплекс и, какъ таковое чувство, должно быть рассматриваемо, какъ совершенно самостоятельное, отличающееся отъ другихъ извѣстныхъ намъ комплексовъ эмоцій и несмѣшиваемое съ чувствомъ страха, съ которымъ обычно смѣшиваютъ тревогу. Даже по психологіи проф. Сикорскаго, тревога смѣшивается со страхомъ и рассматривается такъ: «тревога представляетъ собой острое опасеніе или боязнь—она стоитъ между страхомъ и боязнью» ⁶⁾.

Въ концѣ выше приведенныхъ работъ описывается и *характеристика*

Въ моихъ выше приведенныхъ работахъ описывается чѣмъ характеризуется чувство тревоги со стороны: 1) *сознанія*, 2) *функций органической жизни* и 3) *со стороны движенія*, и какое вліяніе чувство тревоги оказываетъ на весь складъ и работу психики индивидуума, переживающаго тревогу.

Читая работы по психологіи толпы, мы находимъ, что характеристика лицъ, находящихся въ толпѣ «психологически» объединенной, вполне напоминаетъ собой психику человѣка и вообще людей, переживающихъ чувство тревоги.

Не касаясь болѣе широкой характеристики чувства тревоги, отмѣчу, какъ главныя въ психикѣ лицъ, находящихся въ тревогѣ, слѣдующія черты со стороны *умственной сферы*: *концентрація мыслей на предметъ тревоги*; пониженіе критической способности и *повышеніе внушаемости*; *подвижность настроеній* или чувствъ; *повышеніе подвижности*; *нетерпѣніе*; *стремленіе къ сплоченію* въ объединенныя «психологически» массы и стремленіе къ «коллективнымъ» поступкамъ *подъ руководствомъ вожаковъ*. Эти же черты характеризуютъ и «психологически» объединенную толпу.

²⁾—⁵⁾ «Военный Сборникъ» 1913 и 1914 г.

⁶⁾ Проф. Сикорскій. «Всеобщая психологія», изд. 1912 г.

Для возникновенія «психологически» объединенной толпы требуется наличность общаго внутренняго интереса для всѣхъ; интереса не головнаго или умственнаго только, но интереса, волнующаго, захватывающаго внутреннія струны души каждаго индивидуума, т.-е., въ переводѣ на психологическій языкъ, такого интереса, который бы вызывалъ эмоцію *тревоги*, которая, охватывая личности въ толпѣ, измѣнила бы индивидуумы сообразно своимъ характернымъ чертамъ, которыя и позволяютъ только сплотиться разнороднымъ личностямъ въ психологически объединенную общими мыслями, чувствами и дѣйствіями толпу.

Безъ чувства тревоги не наступитъ измѣненіе личностей, способныхъ къ психологическому объединенію; безъ измѣненій не будутъ спайки личностей въ психологическую толпу.

Если мы возьмемъ, для характеристики, состояніе воиновъ передъ боемъ, состояніе, которое, по нашимъ изслѣдованіямъ, характеризуется переживаніемъ чувства тревоги, то увидимъ слѣдующія черты въ психикѣ воиновъ. *Мысли* бойцовъ по преимуществу вращаются въ области ожидаемыхъ событій: что-то будетъ? Оторвать мысли отъ этого и заняться спокойно какимъ либо размышленіемъ не удастся—нѣтъ психическихъ силъ.

Вниманіе людей, ослабленное къ другимъ интересамъ, въ области ожидаемыхъ событій, утончено и какъ бы фиксировано, со способностью ловить въ разговорахъ, въ чтеніи газетъ, въ поступкахъ другихъ все то, что хотя бы отдаленно имѣло отношеніе въ тревожащимъ мыслямъ. Причемъ *внушаемость* бойцовъ къ словамъ другихъ и къ содержанію разговорныхъ или газетныхъ сообщеній, даже къ настроенію окружающихъ и ихъ поведенію *рѣзко повышена*.

Критическое отношеніе къ «извѣстіямъ», къ содержанію газетъ, къ настроенію и поведенію другихъ обычно ослаблено настолько, что бойцы всѣ это какъ бы поглощаютъ въ себя, охотно вѣря всему и не подвергая содержанія получаемаго обычной критикѣ. Наблюдается у лицъ въ это время какъ бы дѣтская довѣрчивость. Вмѣстѣ съ такими мыслями, съ такимъ одностороннимъ, обострившимся вниманіемъ, съ повышенной внушаемостью и дѣтской довѣрчивостью, *настроеніе* бойцовъ крайне подвижно, неустойчиво и легко мѣняется.

Общая заинтересованность въ грядущихъ явленіяхъ концентрируетъ мысли на однихъ и тѣхъ же умственныхъ интересахъ. Общіе умственные интересы вызываютъ общія настроенія или чувства, въ силу чего вызываются общія же «коллективныя чувства»: такъ, на-

примѣръ, при извѣстіяхъ, дающихъ надежду на успѣхъ дѣла, возникаетъ у всѣхъ радость—«*коллективная радость*»; при извѣстіяхъ, рисующихъ будущій неуспѣхъ,—чувство печали у всѣхъ, «*коллективная печаль*»; при извѣстіяхъ, вызывающихъ злобу и раздраженіе,—у всѣхъ гнѣвъ—«*коллективный гнѣвъ*»; при неожиданныхъ событіяхъ и событіяхъ, предрѣшающихъ неудачу,—у всѣхъ страхъ—«*коллективный страхъ*».

Въ силу общихъ совмѣстныхъ коллективныхъ чувствъ или настроеній у находящихся въ тревогѣ появляются коллективные же поступки и дѣйствія, по крайней мѣрѣ въ простыхъ проявленіяхъ: идти, достичь, разрушить, удалиться,...

Такимъ образомъ, имѣя однородныя мысли, чувства и дѣйствія, толпа и является психологически сплоченной (черезъ чувство тревоги). Сплотившись «психологически», толпа и далѣе поступаетъ согласно проявленій чувства тревоги.

Одной изъ характерныхъ чертъ является повышенная подвижность, стремленіе къ опредѣленности и нетерпѣливость. Эта нетерпѣливость, стремленіе къ опредѣленности и повышенное стремленіе къ дѣйствию скопомъ или «коллективно», выдвигаетъ само собой личность *вожака*, который бы явился выразителемъ души толпы (общихъ интересовъ-мыслей, чувствъ и дѣйствій).

Естественно, что вожакомъ «психологически» объединенной толпы будетъ никто другой, какъ только лицо, живо и выпукло выражающее, передающее и угадывающее въ данный моментъ сокровенные интересы и побужденія лицъ, находящихся въ толпѣ (общіе интересы-мысли, чувства и дѣйствія), клонящіеся къ удовлетворенію потребностей данной минуты. Непостигающей психологіи толпы и невыражающій ея живо и выпукло—вожакомъ ея не будетъ.

На вожака устремляются взоры людей, находящихся въ толпѣ; а такъ какъ толпа (въ чувствѣ тревоги) легко внушаема, то слова, настроенія и поступки вожака передаются находящимся въ толпѣ и воспринимаются ею безъ критики—на вѣру.

Однако, внушаемость толпы нельзя разсматривать безгранично, а именно будто вожакъ можетъ внушить толпѣ все что угодно; нѣтъ. И толпа, будучи склонна къ внушенію со стороны вожака, внушается рѣчами, настроеніемъ и поведеніемъ лишь постольку, поскольку проявленія вожака даютъ видъ, что они клонятся къ выясненію событий, которыя глубоко интересуютъ всѣхъ и къ рѣшенію которыхъ всѣ стремятся.

Люди въ толпѣ находятся въ состояніи двигательной ажитации

или стремленія къ движенію или къ дѣятельности. Всякое бездѣйствіе для лицъ въ толпѣ тягостно; поэтому толпа ждетъ отъ вожака рѣшительныхъ «коллективныхъ» поступковъ, направленныхъ къ достиженію цѣли.

Время находящимся въ тревогѣ кажется протекающимъ медленно, и люди въ толпѣ поэтому стремятся возможно скорѣе выйти изъ положенія неопредѣленности къ чему-либо опредѣленному; поэтому пріемлемыми для толпы будутъ лишь тѣ дѣйствія, которыя клонятся къ скорѣйшему окончанію общаго выступленія.

Вожакъ, правильно уясняющій моментъ, но придерживающійся пріемовъ выжиданія съ длительными потерями времени, оставляя толпу въ бездѣятельности, теряетъ авторитетъ въ глазахъ толпы. Такъ какъ *критика* реальныхъ фактовъ и извѣстій у лицъ въ толпѣ ослаблена, а воображеніе яркое и какъ бы жаждетъ доказательства благопріятныхъ извѣстій въ области ожидаемаго, опытный вождь можетъ воздѣйствовать на воображеніе толпы фактами, хотя и не всегда точными, но имѣющими кажущееся благопріятное послѣдствіе, клонящееся къ достиженію общаго интереса.

Вниманіе толпы къ явленіямъ ожидаемыхъ событій обострено.

Лица въ толпѣ легко замѣчаютъ и быстро схватываютъ: а) отъ вожака, б) отъ окружающихъ лицъ, и в) отъ обстановки все то, что касается общаго интереса. Можетъ случиться, что по яркости и выразительности душевныхъ переживаній момента и по пониманію настроеній толпы выдвинется новое лицо, болѣе яркое. Это лицо своей яркостью въ словахъ, въ выраженіи переживаній, въ поведеніи и рѣшительныхъ поступкахъ затмитъ вожака, который, такимъ образомъ, потеряетъ свой авторитетъ и явится на сцену уже новый вождь.

Въ военномъ дѣлѣ, особенно въ бою, роль вожака естественно беретъ на себя лицо начальствующее.

Уже дисциплина мирнаго времени пріучила къ тому, чтобы во всѣхъ случаяхъ взоры подчиненныхъ были обращены на начальника. Образование или конструкція психологіи толпы здѣсь идетъ быстро и заученнымъ порядкомъ.

Начальникъ, являющійся выразителемъ интересовъ подчиненныхъ—души толпы, несомнѣнно является естественнымъ вожакомъ ея. Эта задача дается ему легко, ибо онъ имѣетъ пріемы внѣшняго руководительства уже выработанными и, кромѣ того, начальникъ естественно находится въ тѣхъ же условіяхъ душевныхъ переживаній, что и всѣ подчиненные, и, слѣдовательно, можетъ постигать душу толпы, понимая волнующія ее мысли, желанія, на-

строения и давая исходъ настроеніямъ толпы въ соотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ.

Но въ боевое время, даже при наличности военной дисциплины, положеніе, что начальникъ — вожакъ толпы, не всегда вѣрно. Не описываю случаевъ, но знаю, что военачальники, не постигая тождества психики подчиненныхъ съ психологіей толпы, теряли свой авторитетъ, и онъ переходилъ къ другимъ лицамъ, которыя, какъ бы въ рамкахъ дисциплины, воздѣйствовали на подчиненныхъ и руководили ими чрезъ своего начальника, который безпрекословно исполнялъ рѣшенія своего подчиненнаго, давая какъ бы отъ себя тѣ или другія распоряженія.

Приходя къ общимъ выводамъ о роли чувства тревоги въ психологіи массъ или толпы, мы должны отмѣтить, что эта роль существенная и основная.

1) Чувство тревоги есть тотъ психологическій цементъ, при помощи котораго люди, даже разныхъ душевныхъ свойствъ, могутъ объединяться «психологически» съ наличіемъ однородныхъ мыслей, чувствъ и дѣйствій.

2) Безъ наличія чувства тревоги не можетъ произойти въ людяхъ объединенія въ «психологическую» толпу.

3) То, что мы встрѣчаемъ въ литературѣ по психологіи толпы, въ смыслѣ характеристики ея психики, вполне укладывается и достаточно полно объясняется особенностями людей, находящихся въ чувствѣ тревоги.

4) Изученіе психологіи массъ должно идти отъ изученія личностей, какъ индивидуумовъ, и познанія свойствъ личности, при объединеніи многихъ лицъ въ «психологическую» толпу.

5) Изученіе психо-физическихъ свойствъ людей, находящихся въ чувствѣ тревоги, открываетъ научные пути къ познанію психологіи массъ.

Д-ръ Т. Шумковъ.

